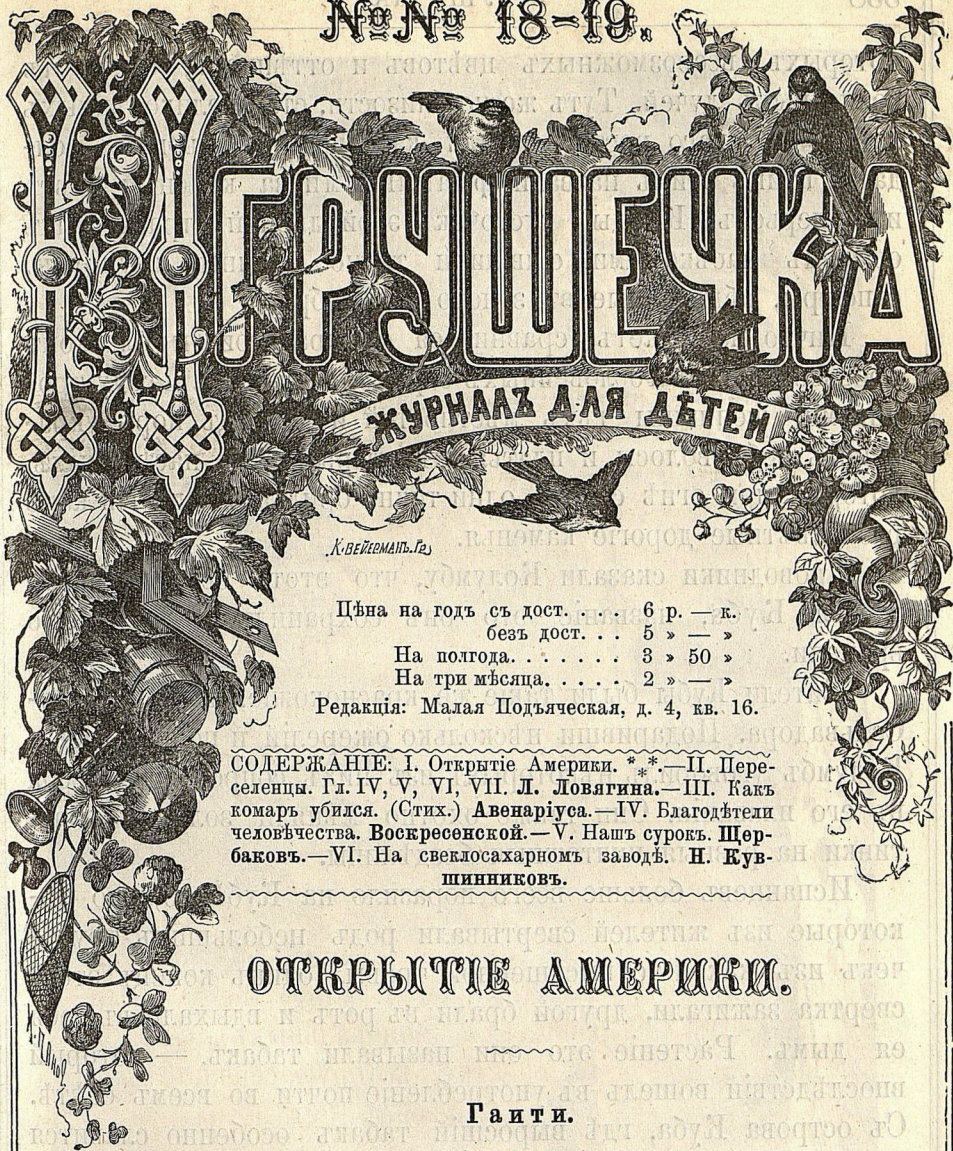


№№ 18-19.



ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Открытіе Америки. * * — II. Переселенцы. Гл. IV, V, VI, VII. Л. Ловагина. — III. Какъ комаръ убилъся. (Стих.) Авенариуса. — IV. Благотѣли челоѣчества. Воскресенской. — V. Нашъ сурокъ. Щербакѡвъ. — VI. На свеклосахарномъ заводѣ. Н. Бувиинниковъ.

ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ.

Гаити.

НСКОРѢ Лукайскіе острова скрылись изъ вида Колумба и его товарищей. Корабли по указанію туземцевъ направлялись на югъ. Быстро переплывши эту часть океана, они увидали обширную страну, зеленѣвшую великолѣпно растительностью. Ее покрывали безмѣрные лѣса, ароматный запахъ которыхъ доносился до нихъ еще издалека. Лѣса эти были полны различной величины попугаевъ, перья

которыхъ, всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, сіяли отъ солнечныхъ лучей. Тутъ же по близости, стаи великолѣпныхъ птицъ, высокаго роста, издали казались батальонами солдатъ; птицъ этихъ называли фламингами за красный цвѣтъ ихъ перьевъ. Каждый кусточекъ этой дивной страны былъ осыпанъ насѣкомыми, сіявшими точно рубины, изумруды, сапфиры, обдѣланные въ золото и серебро.

Ничто не можетъ сравниться съ красотой и блескомъ произведеній благословенныхъ странъ, лежащихъ между тропиками, женщины тѣхъ мѣстностей и до сихъ поръ украшаютъ себѣ волосы и платья нѣкоторыми изъ насѣкомыхъ, которыя при огнѣ сіяютъ одни точно брильянтъ, другія какъ разноцвѣтные дорогіе каменья.

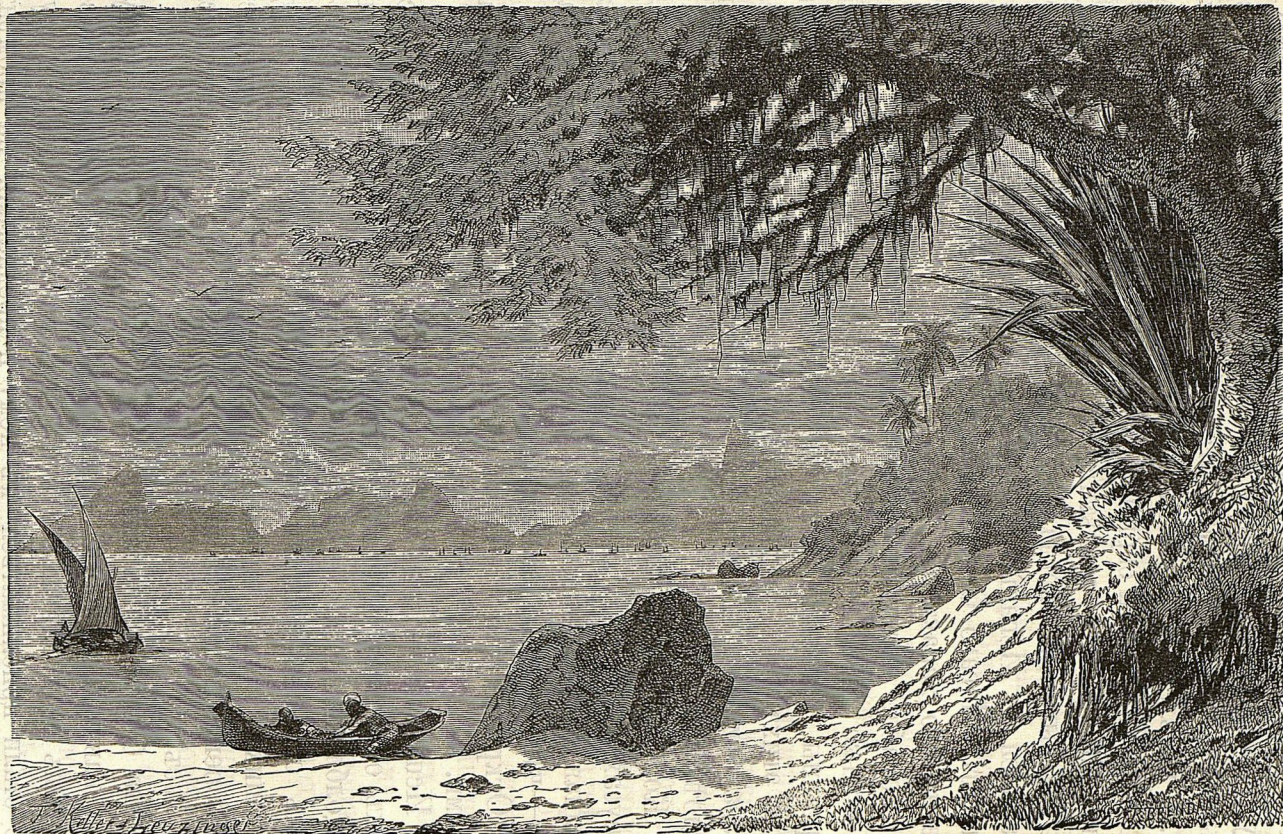
Проводники сказали Колумбу, что этотъ островъ называется Куба, названіе это онъ сохранилъ и до нашего времени.

Жители Кубы были такіе же краснокожіе, какъ и Сантъ-Сальвадора. Подаривши нѣсколько ожерелій и побрякушекъ, Колумбъ уговорилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сопровождать себя въ его плаваніи. Они также охотно мѣняли золотыя пластинки на разныя ничтожныя бездѣлицы.

Испанцевъ больше всего поразило на Кубѣ то, что нѣкоторые изъ жителей свертывали родъ небольшихъ трубочекъ изъ какой-то высушенной травы, одинъ конецъ этого свертка зажигали, другой брали въ ротъ и вдыхали въ себя ея дымъ. Растеніе это они называли табакъ, — который въ послѣдствіи вошелъ въ употребленіе почти во всемъ свѣтѣ. Съ острова Куба, гдѣ выросшій табакъ особенно славится своимъ ароматомъ, испанцы ввезли его въ Европу. Думаютъ, что до этого времени табакъ былъ неизвѣстенъ даже и на Востокѣ.

Колумбъ оставался на Кубѣ недолго. Онъ спѣшилъ плыть еще южнѣе, туда гдѣ, индѣйцы говорили, находится обширная страна, откуда достается золото.

Назначивши сопровождавшимъ его двумъ кораблямъ



ЮГЪ АМЕРИКИ.

сигнальные знаки, которые они должны подавать другъ другу—когда за дальнимъ разстояніемъ нельзя будетъ слышать голоса, Колумбъ отправился дальше, но какъ онъ былъ удивленъ и огорченъ, когда на закатѣ солнца замѣтилъ, что корабль Алонза скрылся. Думая, не сбился ли Алонзо съ пути, онъ велѣлъ засвѣтить на мачтахъ фонари,—корабль не показывался. Тогда Колумбъ заподозрилъ что онъ отправился въ Испанію съ тѣмъ, чтобы присвоить себѣ славу открытія Новаго Свѣта.—Такого рода поступокъ былъ свойственъ его характеру.

Корабль Колумба продолжалъ свое плаваніе. Спустя нѣсколько дней, передъ ними открылись голубоватыя горы, вершины которыхъ какъ бы сливались съ небесами. При видѣ этихъ горъ, индѣйцы испустили громкіе крики ужаса и знаками говорили имъ, что это островъ Гаити, обитаемый людьми.

Колумба такія свѣдѣнія не испугали, и онъ на всѣхъ парусахъ присталъ къ этому острову. Климатъ его и роскошная растительность такъ живо напомнили всѣмъ Испанію—что Колумбъ назвалъ его Испаньоолою.

Открытіе этого острова связано съ ужасающими несчастьями.

Испаньола—одинъ изъ обширныхъ и самыхъ плодоносныхъ острововъ Америки. Тысячи индѣйцевъ въ лодочкахъ, выдолбленныхъ изъ дерева, окружили оба корабля. Берегъ былъ осыпанъ толпами мущинъ, дѣтей и женщинъ, испускавшихъ крики изумленія, но едва только приблизились къ берегу лодки съ испанцами, какъ всѣ они скрылись въ лѣсъ.

На берегу испанцамъ удалось захватить одну женщину, испускавшую жалобные крики, но когда Колумбъ ласково одарилъ ее подарками и отпустилъ къ своимъ, тогда и другіе стали приближаться къ нему и предлагали на промѣнъ бусъ, колокольчиковъ и матерій — различные раковины: рыбу, превосходные фрукты, овощи, лепешки, множество

разнообразныхъ попугаевъ и пластинки самаго чистаго золота.

Островъ Испаньола былъ населенъ многочисленнымъ племенемъ, раздѣленнымъ на пять племенъ, которыми управляли касики (начальники племени).

Племена жили селеньями, въ хижинахъ изъ дерева, крытыхъ древесными листьями. Жители Гаити были цвѣта не такъ темнаго, какъ Санъ-Сальвадора и Кубы, но такіе же кроткіе и такъ же робки.

Осматривая островъ, Колумбъ замѣтилъ удобную гавань, ввелъ въ нее свои корабли и далъ знать касику, что на слѣдующій день посѣтитъ его.

Наканунъ этого дня ночь была тихая и ясная, море неподвижно какъ зеркало. Колумбъ велѣлъ кормчему держаться дальше береговъ, чтобы не попасть на подводную скалу, и легъ уснуть; кормчій передалъ управленіе корабля юнгѣ и ушелъ въ каюту, гдѣ также спали крѣпкимъ сномъ матросы. Корабль плылъ на удачу, какъ вдругъ неожиданно налетѣлъ порывъ вѣтра и нагналъ корабль на скалу, толчокъ былъ такъ жестокъ, что тотчасъ же показалась въ немъ сильная течь. На крикъ мальчика всѣ проснулись и пришли въ ужасъ—корабль тонулъ. Одинъ Колумбъ не потерялъ присутствія духа,—онъ тотчасъ отправилъ къ другому кораблю за помощью, а между тѣмъ старался задержать неизбежное кораблекрушеніе. Пинсонъ прислалъ лодки, и всѣ спаслись.

На разсвѣтѣ касикъ, узнавши о кораблекрушеніи, выслалъ на помощь множество лодокъ, на которыхъ перевезли на берегъ съ корабля пушки, съѣстные припасы, оружіе, платье и прочее.

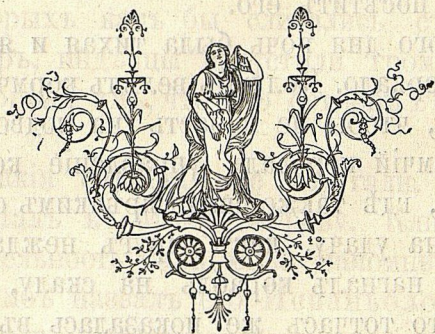
Добраго касика (за услугу и доброту стоитъ упомянуть его по имени) звали Гуаканагари, онъ плакалъ отъ счастья что удалось помочь касику бѣлыхъ и на радостяхъ устроилъ празднество, на которомъ, въ различныхъ народныхъ играхъ, индѣйцы удивили испанцевъ своей легкостью, граціей и

ловкостью. Колумбъ съ своей стороны угостилъ дикарей выстрѣлами изъ пушекъ, отъ этого угощенія бѣдные дикари со страха остались чуть живы.

Блескъ и грохотъ выстрѣловъ такъ поразили ихъ, что они сочли испанцевъ жителями неба, владѣющими грѣмомъ и молніею; а касикъ поклялся имъ въ вѣчной дружбѣ и вѣрности.

* *

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).



ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(Изъ Нирица).

IV.

Обманутыя ожиданія.



ГДѢ вы мои вкусные, свѣжіе хлѣбцы, съ сливочнымъ масломъ? говорилъ Альбертъ, грызя чѣрный сухарь, твердый какъ камень.

— Съ голода будешь ѣсть и не то, отвѣчалъ Эмиль, разламывая свой сухарь.

— А я съ радостью поѣла бы молочной каши, сказала Мальхенъ. Мнѣ надоѣло здѣсь все: и солонина, и горохъ.

— Я свою порцію всегда отдаю собакамъ, говорилъ Альбертъ.

— А я кошкѣ—сказала Мальхенъ.

— И что за скука!—продолжалъ Альбертъ, пять недѣль безъ дѣла. Радъ бы перевести хоть десять страницъ изъ Корнелія Непота,—лишь бы не болтаться попусту по кораблю.

Такъ жаловались на свое положеніе дѣти въ продолжительное плаваніе.

— Земля! земля! закричалъ сверху матросъ, и живо, какъ кошка, спустился по канату внизъ. Америка! воскликнулъ онъ снова, обращаясь къ переселенцамъ, и снялъ свою шапку.

За радостное извѣстіе каждый пассажиръ положилъ ему въ шапку монету.

Хехтъ взялъ на скрипкѣ веселый аккордъ и съ чувствомъ запѣлъ:

Ты знаешь-ли тотъ край,
Гдѣ апельсинъ и нѣжный миртъ цвѣтутъ—

И продолжая играть, указалъ смычкомъ въ даль—сказавши: „тамъ они“. Я ужъ отсюда вижу золотые апельсины, смѣясь замѣтилъ толстый пивоваръ. Многіе влѣзали на верхъ по канатной лѣстницѣ, чтобы разглядѣть давно ожидаемую Америку, и вотъ Америка стала ясно обозначаться на горизонтѣ ярко зеленой полосой.

Всѣ взоры были устремлены на эту полосу.

— Точъ въ точъ Европа, добродушно замѣтилъ одинъ австріецъ.

— Я нахожу тоже, сказалъ другой пассажиръ, и пока не вижу ни апельсиновыхъ, ни лимонныхъ деревьевъ.

— Не рости же имъ у моря, сердито возразилъ на это замѣчаніе Хехтъ, ищите ихъ въ глубинѣ страны.

— У насъ на родинѣ ихъ не далеко искать, сказала жена Эриха.

— Гдѣ же золотыя горы? робко спросила Мальхенъ. Я вижу горы точъ въ точъ такія же, какъ и у насъ!

— Эхъ ты, малютка! сказалъ Хехтъ, золото внутри страны, и внутри его надобно оттуда извлекать.

Между тѣмъ корабль по немножку приближался къ гавани Нью-Йорка, и вскорѣ передъ ними раскинулся Новый Свѣтъ во всемъ своемъ очаровательномъ видѣ.

Вблизи города ихъ окружили корабли, такъ же какъ и они вступавшіе въ гавань, гдѣ, точно густой лѣсъ, виднѣлись многочисленныя мачты. Огромные пароходы съ шумомъ

разсѣкали волны, оставляя за собой въ воздухѣ полосы черного дыма. Лодочки и челноки, мелькая по волнамъ, казалось сейчасъ опрокинутся, какъ орѣховая скорлупка.

Наконецъ корабль бросилъ якорь. Великолѣпный Нью-Йоркъ вдругъ будто выросъ передъ ними, съ своими церквами, дворцами и другими зданіями. Что за дѣятельность, что за давка на берегу! Переселенцы не знали на что смотрѣть, куда глядѣть и дивились, что деревья, строенія, люди, ихъ одежда—все было какъ и въ Европѣ. Одна была разница, въ Нью-Йоркѣ имъ встрѣчалось очень много негровъ, но и тѣ были одѣты какъ европейцы. Слоновъ, обезьянъ, попугаевъ, людей мѣднаго цвѣта и вообще той дикости, какую они себѣ представляли, и слѣда не бывало.

Путешественники нетерпѣливо ожидали, когда ихъ спустятъ съ корабля.

Сперва сошелъ капитанъ, спросивши паспорта пассажировъ.

— Какъ! въ свободной Америкѣ паспорта? сказалъ удивленный Эрихъ, когда капитанъ спросилъ у него его видъ.

— А какъ же! отвѣтилъ капитанъ, государству необходимо знать, кого оно принимаетъ—воровъ, убійцъ, негодяевъ или честныхъ, трудящихся людей.

Наконецъ переселенцевъ посадили въ лодки и перевезли на землю. На берегу—кто пошелъ налѣво, кто направо. Эрихъ съ семействомъ и вѣрнымъ Хехтомъ отправились въ ближайшую гостинницу, куда переправили и свой багажъ; къ удивленію Эриха, два носильщика взяли съ него два доллара.—Впередъ буду осторожнѣе, утѣшалъ онъ самъ себя.

Находясь еще подъ вліяніемъ качки корабля, переселенцамъ казалось, что земля и полъ подъ ними качаются.

Устроившись и отдохнувши немного въ покойной комнатѣ, Эрихъ заказалъ хорошій обѣдъ. Имъ подали крѣпкій бульонъ, сочную говядину, овощи, мягкій хлѣбъ, пиво. Никогда обѣдъ не казался имъ такъ вкуснымъ. Они усердно

поблагодарили за него Бога и за благополучно совершенный переѣздъ. Затѣмъ занялись обсужденіемъ, что имъ дѣлать далѣе.

Отдохнувши, Эрихъ вмѣстѣ съ Хехтомъ бодро вышли изъ гостинницы, чтобы навести разныя справки. Возвратившись, онъ объявилъ женѣ, что трудно устроиться въ Нью-Йоркѣ своимъ домомъ. Менѣе пяти тысячъ талеровъ не отдають самаго маленькаго домика. Устройство мастерской стоитъ почти столько же, а такъ какъ дерево тутъ очень твердо, то и инструменты придется купить новыя. Впрочемъ, прибавилъ онъ, пока осмотримся и устроимся у себя, мы съ Хехтомъ нашли себѣ работу у одного богатаго столяра—по доллару въ день. Въ Европѣ долларъ въ день заработаетъ только лучший мастеръ.

Жена и дѣти обрадовались этому такъ же, какъ и хорошему ужину, который слуга принесъ имъ—не спросивши ихъ. На кроватяхъ съ тюфяками изъ морской травы, съ мягкими одѣялами, имъ спалось такъ крѣпко и сладко, какъ ни разу не спалось на кораблѣ подъ шумомъ волнъ, бившихся о его борта.

На другой день, за роскошнымъ завтракомъ, жена Эриха замѣтила, что ее беспокоитъ сомнѣнье не дорого-ли обойдутся всѣ эти обѣды и ужины.—Не беспокойся, сказалъ Эрихъ, мясо въ Америкѣ очень дешево, кромѣ того, хозяева гостинницы знаютъ, что мы переселенцы и лишняго съ насъ не возьмутъ. Но жена его не успокоилась до тѣхъ поръ, пока онъ не потребовалъ счета. При взглядѣ на счетъ, лицо Эриха вытянулось въ аршинъ—счетъ простирался до восьми долларовъ.

—Ну! сказалъ онъ съ досадою, кажется содержатели гостинницъ въ Америкѣ умѣютъ обирать такъ же ловко, какъ и въ Европѣ. Счастіе наше, что мы во время спросили счетъ. Не долго думая, Эрихъ, въ томъ же домѣ, гдѣ была гостинница, взялъ маленькую квартиру въ двѣ комнаты, по два доллара въ недѣлю и устроился своимъ хозяйствомъ.

Къ удивленію онъ увидалъ, что жизнь въ Америкѣ несравненно дороже, нежели на его родинѣ, несмотря на то, что они не позволяли себѣ не только что излишества, но въ ихъ квартирѣ не было даже и мебели удобной и покойной, вмѣсто стульевъ и дивановъ они сидѣли на сундукахъ и спали на соломѣ.

Сверхъ всего Эрихъ за свое мастерство получалъ безпрестанные выговоры отъ хозяина. Онъ долго переносилъ разныя обиды, наконецъ потерялъ терпѣніе,—отказался и вечеромъ возвратился домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Ну, хозяинъ, сказалъ ему Хехтъ, вы было пересѣли съ лошади да на осла, т. е. со стула мастера да на стулъ работника.

— Правда твоя, товарищъ, отвѣтилъ Эрихъ. Я былъ глупъ и больше не буду. Конечно я не плачу здѣсь никакихъ пошлинъ, но за то за каждую бездѣлицу долженъ платить втрое. Здѣсь не свободная Америка, а какой-то искаженный городъ. Настоящая Америка въ глубинѣ страны—тамъ настоящій рай,—тамъ десятина земли съ лѣсомъ стоитъ два доллара,—и что за деревья! ломаются отъ плодовъ. И такъ,—идемъ дальше, тамъ построимъ себѣ хижину. Они уложили свои вещи и по быстрому теченію Миссисипи отправились въ глубь Америки.

V.

Путешествіе въ глубь страны.

На берегу обширной рѣки Миссисипи, сотни веселыхъ путешественниковъ ожидали прибытія парохода. Въ опредѣленный часъ, огромный пароходъ, пестрѣвшій множествомъ пассажировъ, съ быстротою молніи причалилъ къ берегу. Прибывшіе и отъѣзжающіе махали другъ другу шляпами, остающіеся прощались съ отъѣзжающими, какъ вдругъ раз-

дался оглушительный трескъ,—пароходъ исчезъ и въ одно мгновеніе,—рѣка покрылась обломками, остатками груза, обезображенными трупами, утопающими и старающимися спастись. Переселенцы оцѣпенѣли отъ ужаса. Что это? говорили они дрожащими устами.

— Ничего новаго,—спокойно отвѣчалъ вблизи стоявшій нѣмецъ. По неосторожности лопнулъ котелъ, и сотни людей должны за это поплатиться жизнью. Такіе случаи здѣсь не рѣдкость. Начальство въ это дѣло не вмѣшивается, Америка—государство свободное, каждый можетъ дѣлать что хочетъ. Скоро прибудетъ другой пароходъ на мѣсто погибшаго.

— Кто же рѣшится подвергать жизнь свою опасности, сказалъ Эрихъ. Мы, разумѣется, рисковать не станемъ.

— Напрасно!—на пароходѣ вы скорѣе и дешевле достигнете цѣли. И именно теперь вы ограждены отъ опасности. Сегодняшнее несчастіе наведетъ страхъ на собственниковъ пароходства и заставитъ быть осторожнѣе. Я воспользуюсь этимъ обстоятельствомъ—совѣтую и вамъ.

Эриху оставалось только послѣдовать этому совѣту. На слѣдующій день они плыли на вновь пришедшемъ пароходѣ по величественному Миссисипи. Свистъ и ревъ машины, шумъ колеса о бурныя волны наводили ужасъ на жену Эриха—она удалялась съ дѣтьми въ каюту и молила Бога о милости и защитѣ.

Путешествіе изъ Штатовъ тянулось долго, но благополучно.

Въ Санъ-Луи пассажиры выходили на берегъ. Дѣти думали что въ Америкѣ можно купить за три копѣйки цѣлую шапку или передникъ винныхъ ягодъ, лимоновъ, яблоковъ и другихъ южныхъ плодовъ и дивились, что ничего этого не было. Напрасно искалъ естествоиспытатель дорогихъ морскихъ раковинъ, улитокъ, золотыхъ рыбокъ и брильянтовъ. Когда же онъ спрашивалъ о красивыхъ жукахъ, бабочкахъ, попугаяхъ, золотыхъ и серебряныхъ фазанахъ, то ему отвѣчали, что все это въ первобытныхъ лѣсахъ.

Въ Нью-Йоркѣ Эрихъ купилъ дѣтямъ кокосовый орѣхъ и заплатилъ за него дороже, чѣмъ въ Германіи за десятокъ лучшихъ яблоковъ. Просверливъ орѣхъ, они выпѣдили изъ него съ рюмку свѣтлой жидкости, извѣстной подъ названіемъ кокосоваго молока.

— Вкусно? спросилъ отецъ.

— Лекарство, — отвѣтили дѣти.

— Ядро будетъ вкуснѣе сказалъ Эрихъ, вынимая изъ скорлупы бѣлое, какъ снѣгъ, зерно.

— Зерно далеко не такъ нѣжно, какъ наши орѣхи, замѣтила жена Эриха.

— Рѣпа вкуснѣе, — сказалъ Альбертъ.

— Конечно, добавилъ Эмиль, и сколько ее дадутъ на пфенингъ!

— Видно издали все лучше, чѣмъ вблизи, проговорила жена Эриха.

Въ продолженіи плаванія по Миссисипи переселенцамъ встрѣчалось множество веселыхъ городовъ и селеній, деревевъ, осыпанныхъ плодами и цвѣтами, бѣлыми, какъ снѣгъ; продающихся полей, но продажной дешевой земли не находилось. Приходилось все больше и больше углубляться въ пустыню, гдѣ еще мало было переселенцевъ. Наконецъ въ глубинѣ страны Эрихъ купилъ за четыреста телеровъ пятьдесятъ десятинъ земли съ лѣсомъ. Ему хотѣлось было устроиться поужнѣе, тамъ, гдѣ сами по себѣ произрастаютъ рисъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ и разные плоды, но услыхалъ что тамъ мучительные жары, а отъ болотистой почвы свирѣпствуетъ желтая лихорадка, — и предпочелъ поселиться въ мѣстности похолоднѣй, но здоровой.

Когда имѣніе было куплено, Эрихъ сказалъ Хехту: — теперь мы съ тобой товарищи-землевладѣльцы, дай мнѣ руку и будемъ по-братски на ты.

Хехтъ охотно исполнилъ его желаніе; потомъ всѣ вмѣстѣ отправились осматривать свои владѣнія.

— Посмотри, милая Маріана, сказалъ Эрихъ женѣ, вступая

въ лѣсѣ, что за дубы! какая пропасть тростника! что за разнообразіе растительности! елки, сосны, кедры, сахарный тростникъ, и сколько плодовыхъ деревьевъ! Когда вспашемъ хотя половину нашей земли, то подумай, сколько дастъ дохода каждая десятина табаку, сахарнаго тростника, маиса, хлопчатника и другихъ полевыхъ растеній, урожай можетъ быть сторичный. А когда выстроимъ домъ, разведемъ фруктовый садъ, а ты—огородъ!

— Скоро-ли это можетъ быть,—смѣясь говорила Мариана.

— Ну, ну! возразилъ Эрихъ,—и Римъ не въ одинъ день былъ построенъ. Какъ примемся всѣ за дѣло, то что-нибудь да сдѣлаемъ.

— Я одинъ срублю дерево, вскричалъ съ жаромъ Албертъ, схватилъ топоръ и началъ подрубать громадный дубъ.

— Прежде всего надобно срубить большія деревья, отъ нихъ слишкомъ много тѣни, а корни мѣшаютъ плугу,—и живо былъ сдѣланъ опытъ.

Взявши пилу, они втроемъ принялись такъ усердно пилить большое дерево, что только визгъ раздавался по лѣсу; но вскорѣ, обливаясь потомъ, должны были прервать работу и перевести духъ.

Въ это время раздвинулся ближайшій кустарникъ и показался изъ него среднихъ лѣтъ здоровый человѣкъ, ласково сказалъ:

— Добраго утра! Вѣроятно новый сосѣдъ? Очень радъ!

Сосѣдъ былъ нѣмецъ—это обрадовало переселенцевъ. Онъ сказалъ имъ, что живетъ ютъ ихъ на полчаса ходьбы, и, узнавши кто они и что намѣрены дѣлать, сказалъ, что они на этотъ годъ должны отложить постройку дома, а заняться обработкою поля. Если бы у васъ было человѣкъ пятнадцать негровъ—дѣло другое.

— А что стоитъ одинъ негръ? спросилъ Эрихъ.

— Отъ 500 до 800 талеровъ.

— Это не по насъ, сказалъ Эрихъ. Въ Германіи можно нанять дровосѣковъ.

— Ну! здѣсь ихъ нѣтъ. Можете нанять прислугу—станетъ отъ 80 до 100 талеровъ въ годъ, и двойная порція мяса.

Эрихъ печально покачалъ головой.

— Не падайте духомъ, дорогой сосѣдъ, сказалъ сосѣдъ, дѣлайте какъ другіе, и дѣло пойдетъ на ладъ. Иные наживаютъ хорошее состояніе. Самыя большія деревья не трогайте, а чтобы они не затѣняли ваши посѣвы, обройте ихъ корни, и дерево засохнетъ. Кустарники промежу между деревьямъ вырубите, вспашите землю и посѣйте что хотите. Когда уберете посѣвы, принимайтесь за деревья—они пойдутъ вамъ на дрова.

— Отъ души благодарю дорогой сосѣдъ, за добрый совѣтъ. Вы меня ободрили.

— А гдѣ думаете жить, пока строится домъ?

Сосѣдъ помогъ и въ этомъ затрудненіи, онъ предложилъ имъ помѣститься въ его домѣ и со столомъ, по три доллара въ недѣлю.

Эрихъ согласился съ благодарностію и всѣ вмѣстѣ отправились въ хижину сосѣда Шварца. Вскорѣ передъ ними открылась большая площадка, окруженная лѣсомъ, а на ней небольшой домикъ, выстроенный изъ неотесаннаго лѣса, съ небольшими окнами. Домикъ окружалъ цвѣтущій садъ изъ фруктовыхъ деревьевъ и небольшой огородъ. Внутреннее устройство дома было привѣтливѣе и хозяйственнѣе. Ихъ встрѣтила молодая женщина, пятеро дѣтей и слуга; они перенесли къ Шварцу свои пожитки и скорѣ устроились, на сколько было возможно удобно и хорошо. Вечеръ провели довольно пріятно во взаимныхъ разспросахъ и разсказахъ. Дѣти тотчасъ же подружились. Спать имъ было хотя и не такъ удобно, какъ бывало въ Германіи, но все таки лучше, нежели во все время ихъ путешествія, только разъ ночью испугалъ ихъ отдаленный вой волковъ. Шварцъ по-

совѣтоваль имъ, на всякой случай, имѣть при себѣ оружіе и быть осторожнѣе во время работы, такъ какъ въ кустарникахъ нерѣдко устраиваютъ свои логовища гремучія змѣи.

Переселенцы принялись за работу; какъ только кусокъ земли былъ обработанъ, сейчасъ его засѣяли маисомъ, гречихой, табакомъ. Скоро посѣвы зазеленѣли—это ихъ радовало, и они продолжали неутомимо трудиться. Наконецъ мѣсто для дома и для овина было расчищено и все огорожено при помощи сосѣда Шварца. Между плантаціями маиса, которыя поднялись выше человѣческаго роста, стояли засохшія исполинскія деревья, съ распростертыми къ небу почернѣвшими вѣтвями—точно метлы. Устроены были и огородъ. Маріана насадила въ немъ дыни, сладкіе пататы, земляной миндаль, картофель—и все взошло прекрасно.

Все это доставалось имъ нелегко,—они возвращались съ работы домой, истомленные жаромъ и трудами, нерѣдко съ окровавленными руками; случалось, что послѣ нестерпимаго жара, дулъ такой холодный сѣверный вѣтеръ, что хоть печку топи. Но несмотря ни на что—работа не прекращалась. Отдыхали только по воскреснымъ днямъ и годовымъ праздникамъ. Грустно было религіозной женѣ Эриха не слышать въ эти дни ни колокольнаго звона, ни божественной службы, ни помолиться соборомъ, несмотря на то, что они семейно молились и читали библію. Ей не доставало церкви, звуковъ органа, проповѣди, трогающей сердце.

Всѣ поселенцы пришли въ восторгъ, когда услышали, что въ означенное воскресенье прибудетъ пасторъ, и во множествѣ собрались изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ на приготовленномъ для богослуженія лугу, гдѣ вмѣсто кафедры поставлена была бочка. Мущины, женщины, дѣти окружали пастора,—когда онъ сталъ говорить свою проповѣдь—это походило на проповѣдь Іоанна въ пустынѣ.

По лѣсу и окрестнымъ горамъ раздавалось благоговѣй-

ное пѣніе въ день божественной службы. Пестрыя птицы съ любопытствомъ летали среди деревьевъ, дикія животныя и толпы обезьянъ приближались къ невиданному зрѣлищу. Воспоминаніе о родинѣ, о покинутыхъ родныхъ и друзьяхъ живѣе сказывалось въ душахъ и выражалось во взорахъ, исполненныхъ умиленія и слезъ.

Неудобство богослуженія подъ крышею неба вскорѣ дало себя почувствовать переселенцамъ. Небо, съ утра ясное, заволокло облаками, дождь полилъ какъ изъ ведра и промочилъ до костей слушателей, и хотя вскорѣ яркое солнце высушило ихъ совершенно, но невольное чувство ропота и сожалѣнія о церкви западало въ души. Сверхъ того, за множествомъ слушателей, до иныхъ и не достигали слова проповѣди. Многіе, въ особенности дѣти, развлекались скачками обезьянъ и разными еще невиданными ими предметами. По окончаніи богослуженія, многіе принимали святое причастіе, а нѣкоторые крестили дѣтей. Затѣмъ на обнесенную кругомъ тарелочку всѣ клали деньги пастору. Плата, назначенная правительствомъ, нанимавшемъ пастора, была очень высока.

Одной изъ главныхъ заботъ Эриха составляло обученіе дѣтей. Школы по близости не было — онъ было самъ принялся учить ихъ по праздничнымъ днямъ, но у него не хватало терпѣнія, онъ раздражался, дѣти огорчались и стали бояться его. Дѣло пошло успѣшнѣе, когда за преподаваніе уроковъ взялась кроткая мать и веселый, добродушный Хехтъ, но при всемъ ихъ усердіи, они не могли замѣнить даже самой простой сельской школы.

Много и другихъ неудобствъ заставляли поселенцевъ сожалѣть о родной сторонѣ. Понадобится ли нитка, иглока, тесемка, клей, веревка и сотни другихъ предметовъ, которые можно найти въ каждой мелочной лавочкѣ, все доставалось съ большимъ затрудненіемъ — надобно было ѣхать въ ближайшій городъ, отстоявшій на цѣлый день пути. Сверхъ того, всѣ эти вещи стоили гораздо дороже, нежели въ Германіи.

VI.

Незванные гости.

Приближалось время жатвы. Необходимо было строить клуню. Срубили большія сосны и притащили на мѣсто стройки. Много труда стоило сложить ихъ, связать ивовыми прутьями, проконопатить мохомъ и вымазать глиной. Вслѣдствіе частыхъ бурь, надобно было строить прочнѣе. За немѣніемъ пильной мельницы, доски и столбы пилили ручными пилами. Дѣло шло медленно. Эрихъ не жалѣлъ трудовъ. Онъ радовался, глядя на высокій майсъ, полный прекрасныхъ зеренъ, желтыхъ, пурпуровыхъ, пестрыхъ. Силы дыни разливали аромать по нѣтъ розы безъ шиповъ. Однажды Эрихъ, утомленный стройкою, отправился съ своимъ семействомъ полюбоваться на посѣвы—и увидалъ поле, покрытое стаями птицъ, которыя безъ перемони распоряжались его добромъ. Чтобы спасти свои посѣвы, онъ устроилъ вѣтряныя трещотки, пугать незванныхъ гостей. Это средство помогало недолго, затѣмъ все пошло по пержнему. Надобно было посѣвы сторожить. Назначили сторожить дѣтей. Вмѣстѣ съ солнцемъ они отправлялись на поле, и треща въ большія трещотки обходили поля. Альберту довѣрили даже пистолеть, изъ котораго онъ пугалъ птицъ холостыми зарядами. Въ Германіи дѣти не могли налюбоваться на пестрыхъ попугаевъ и обезьянъ, тутъ же, оберегая отъ нихъ поля на палящемъ жару, смотрѣли на нихъ съ досадою.

Однажды, отправившись сторожить, дѣти увидали трехъ обезьянъ, которыя прыгали по грядамъ дынь и выбирали изъ нихъ самыя зрѣлыя. Дѣти съ крикомъ бросились отнимать у нихъ дыни, обезьяны съ быстротой молніи взобрались на деревья и съ деревьевъ скалили зубы на дѣтей, собравшихся лѣзть за ними. Мальхенъ набрала въ фартукъ каменьевъ и посовѣтовала братьямъ бросать камнями въ обезьянъ. Обезьяны съ крикомъ взбирались все выше и выше и взо-

брались на самую вершину. Въ одну обезьяну Альбертъ сильно попалъ камнемъ. Обезьяна вышла изъ себя отъ злости—прицѣлилась ему въ голову дыней и убила бы до смерти, если бы онъ не увернулся ловко. Дыня съ свистомъ разрѣзала воздухъ, какъ тяжелая бомба, съ необыкновенной силою ударилась о землю и разлетѣлась на множество кусковъ, обрызгавши дѣтей съ головы до ногъ ароматнымъ сокомъ и зернами. Перепуганные дѣти стремглавъ бросились преслѣдовать обезьянъ, мгновенно скрывшихся у нихъ изъ глазъ.

— И не воображалъ, сказалъ Альбертъ, чтобы обезьяны были такъ злы. Какъ жаль прекрасную дыню!

— Еще болѣе жаль тѣ дыни, которыя онѣ утащили съ собою, добавилъ Эмиль.

— Если такъ будетъ продолжаться, думала Мальхенъ, труды наши пропали даромъ.

— Это возможно, говорилъ Альбертъ, прохаживаясь по маисовому полю, оглашаемому карканьемъ прожорливыхъ птицъ.

— Если бы намъ да силки, мы дали бы себя знать этимъ пернатымъ плутамъ, сказалъ Эмиль, и наши маисовыя зерна навѣрное бы уцѣлѣли.

Разговаривая такимъ образомъ, дѣти подняли свои трещотки, чтобы еще попугать птицъ, какъ имъ представилось новое зрѣлище. Цѣлый батальонъ обезьянъ хозяйничалъ на маисовомъ полѣ. Длинной линіей онѣ тянулись отъ самаго лѣса. Маленькія обезьянки сидѣли на спинахъ матерей, обхвативъ ихъ шею. Передовыя обезьяны, повидимому, играющія главную роль, обламывали маисъ съ плодами и передавали стоявшимъ позади ихъ, а тѣ переправляли ихъ далѣе.

Все это дѣлалось удивительно ловко и проворно.

Отъ шума трещотки и выстрѣловъ изъ пистолета, обезьяны убѣжали, унося во рту и въ лапахъ маисъ. Глядя на произведенное обезьянами опустошеніе, дѣти плакали и

рѣшили, за обѣдомъ предложить родителямъ возвратиться на родину.

Дома ихъ встрѣтилъ маленькій сынъ хозяина и весело объявилъ имъ, что у нихъ за обѣдомъ будетъ очень вкусное блюдо.

— Какое это блюдо? спросила Мальхень.

— Жареная бѣлка opossum, отвѣчалъ мальчикъ.

Когда сѣли за обѣдъ и подано было знаменитое кушанье, дѣти Эриха платками закрыли себѣ носы. Отъ дымящейся сковороды съ жаркимъ распространялся отвратительный запахъ—Шварцъ смѣялся на дѣтей, а госпожа Шварцъ нѣсколько обидѣлась. Знаки, поданные имъ родителями, заставили ихъ отнять отъ носа платки, но они не могли проглотить ни куска бѣлки. На сковородѣ находились пара бѣлокъ походившихъ на поросятъ или кошекъ. Эрихъ и жена его изъ вѣжливости съ трудомъ проглотили по куску, заѣдая хлѣбомъ и запивая водой.

— Б-rrrrъ, сказалъ Эмиль, выйдя во дворъ съ братомъ и сестрою, хороши лакомыя блюда американцевъ—ими можно уморить турка, не то что христіанина. То ли дѣло наша телятина съ лапшой, говядина съ рѣпой, жареная баранина съ огурцами, а лѣтомъ что за ватрушки съ творогомъ и сахаромъ! кочанный салатъ, супъ изъ пива! А блины съ корицей и изюмомъ, свернутые въ трубочку! сказала Мальхень.

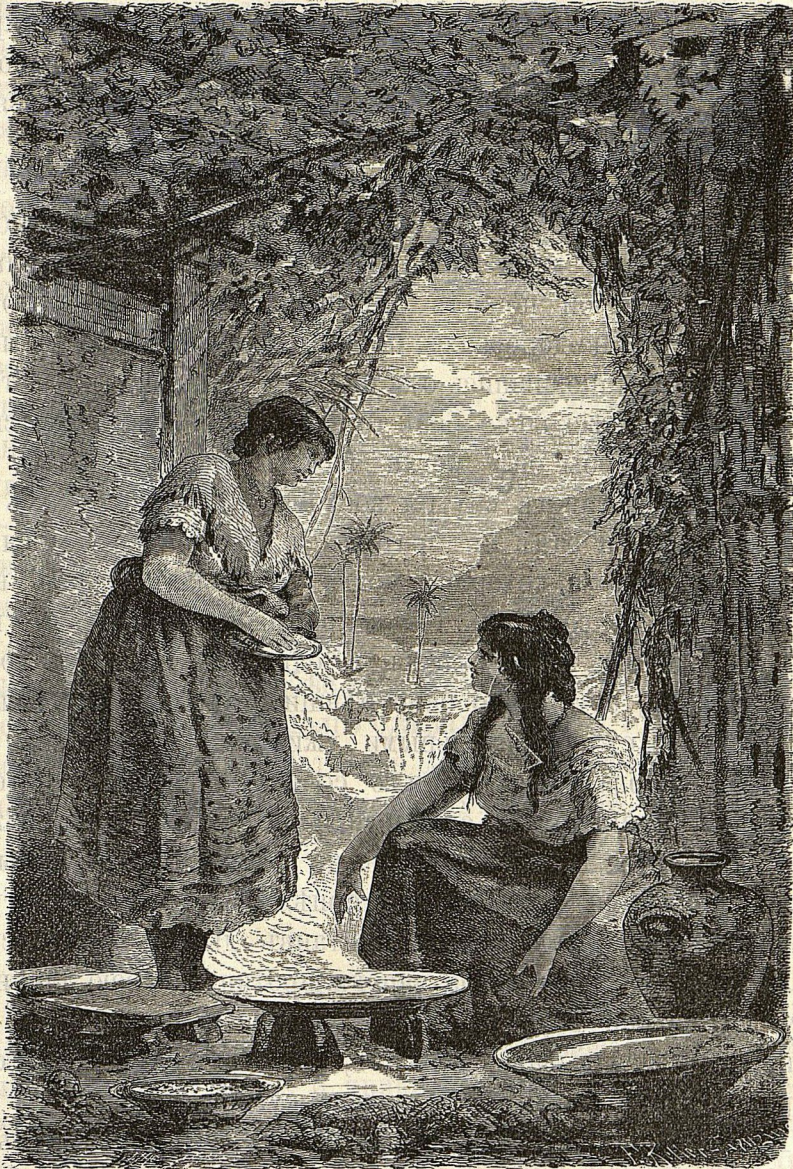
— А алады съ сливовымъ вареньемъ! продолжалъ Эмиль.

— Maisовый хлѣбъ, да maisовый хлѣбъ, надоѣдаетъ до смерти, жаловалась Мальхень.

— Еще таки терпимъ пока свѣжій, а черствый—мякина!

Не opossum а nonpossum слѣдовало бы назвать это блюдо, т. е. нѣтъ возможности ѣсть такую гадость. Не приди мнѣ въ голову одна отличная шутка, кажется не остался бы здѣсь по своей волѣ и минуты.

— Что это за шутка? спросила Мальхень.



АМЕРИКАНСКІЙ ЛѢСЪ.

— Ступайте за мной, расскажу по дорогѣ.

Дѣти отправились на поле.

— Вотъ что я придумалъ, началъ Альбертъ, я выпро-силъ у отца кусокъ воска, вымажу имъ внутри мои сапоги, выставлю ихъ обезьянамъ. Которая нибудь изъ обезьянъ непременно обуется въ нихъ—тутъ я ее и поймаю.

— И я тоже сдѣлаю, подхватилъ Эмиль.

— А есть у тебя воскъ? моего хватить только на одного.

— Воска-то у меня нѣтъ, печально отвѣтилъ Эмиль и вмѣстѣ съ сестрой пошелъ опушкой лѣса за Альбертомъ. Обезьяны, сидя на деревьяхъ, бросали жадные взоры на майсовое поле. Остановившись отъ нихъ въ недалекомъ разстояніи, Альбертъ нѣсколько разъ то снималъ, то надѣвалъ свои сапоги, такъ чтобы онѣ могли видѣть его продѣлки, затѣмъ вымазалъ сапоги внутри воскомъ и поставилъ ихъ въ виду обезьянъ, а самъ съ братомъ и сестрой спрятался за кустарникъ, изъ-за котораго могли все видѣть, ждать имъ пришлось не долго. Какъ только обезьяны увидали, что никого въблизи ихъ не находится, то одна изъ нихъ, съ голубыми щеками, осторожно осмотрѣвшись кругомъ, спустилась съ дерева и съ уморительными ужимками подобралась къ сапогамъ, сперва обнюхала ихъ со всѣхъ сторонъ, потомъ осмотрѣла, прищуривая свои небольшіе глаза. Дѣти зажимали себѣ рты платками, чтобы не расхохотаться громко. Самый серьезный человѣкъ не утерпѣлъ бы смотря на штуки обезьяны. Сдерживая смѣхъ, притаивъ дыханье, дѣти смотрѣли какъ обезьяна взяла сапогъ, протянула свою длинную ногу, осторожно всунула ее въ сапогъ, и, пощелкивая зубами, гордо оглядываясь кругомъ, корчила гримасы, потомъ въ радости отъ своей удачи начала кувыркаться.

Альбертъ перепугался, чтобы сапогъ не соскользнулъ съ ноги обезьяны отъ сильныхъ движеній, — но воскъ былъ клеекъ и сапогъ крѣпко прильнулъ къ ея ногѣ. Напрыгавшись — обезьяна только что потянулась было за другимъ сапогомъ, какъ одинъ изъ ея товарищей, съ завистію смотрѣв-

шій на ея подвиги, сердито спустился съ дерева и бросился на новую добычу. Обѣ обезьяны съ страшнымъ крикомъ стали вырывать другъ у друга сапогъ, кусаться, царапаться и драться.

Это событіе не входило въ расчетъ Альберта. Съ одной обезьяной онъ могъ справиться, а при двухъ—лишится сапоговъ. Съ крикомъ: мои сапоги! мои сапоги! онъ въ одинъ прыжокъ очутился между спорящими, въ то самое мгновенье, какъ вторая обезьяна вырвала у первой сапогъ, вздѣла его себѣ на лѣвую руку и обѣ онъ несмотря на сапоги быстро взбѣжали на деревья, — одна направо, другая налево.

Въ страхѣ за свои сапоги, которые въ Америкѣ втрое дороже нежели въ Европѣ, Альбертъ крикнулъ брату и сестрѣ, — указывая на обезьяну въ сапогѣ, помѣстившуюся на вершинѣ дуба—„стерегите ее“, а самъ бросился за второй обезьяной, спасавшейся бѣгствомъ.

Эмиль и Мальхенъ долго слышали какъ Альбертъ кричалъ, осыпая бранью обезьяну, потомъ голосъ его сталъ раздаваться все слабѣе и слабѣе и наконецъ совсѣмъ умолкнулъ.

Встревоженные дѣти долго ожидали брата и только съ наступленіемъ вечера возвратились домой, гдѣ сообщили, пришедшимъ въ ужасъ родителямъ, о ихъ двойной утратѣ.

VII.

Дикарь.

Мрачный, непроходимый лѣсъ простирался на необозримое пространство. Шумъ и крики обезьянъ едва слышались въ немъ. Временами въ шумящихъ вершинахъ столѣтнихъ деревьевъ раздавался глухой возгласъ ночной птицы; въ глубинѣ лѣса—вой волковъ, страшный ревъ ягуара, льва или тигра въ пустынѣ. Мирные обитатели лѣса зайцы, бѣлки, опосумы и другіе уже позабিরались въ свои логовища, и все

стало стихать. Какъ вдругъ среди ночной тишины, то здѣсь, то тамъ слышались громкіе голоса: хо! холло! хо! хо! и зашумѣли кустарники. Дикіе звѣри робко покидали свои логовища; хищныя животныя укрылись въ глубину дебрей. Птицы и обезьяны тревожно вскрикивали. Хо! хо! хо! холло! снова слышалось въ лѣсу, а затѣмъ раздался выстрѣлъ изъ ружья—эхо повторило его болѣе десяти разъ. Изъ-за кустовъ появился челоувѣкъ, вооруженный ружьемъ и сосновымъ факеломъ. Это былъ Эрихъ. Замирая отъ огорченія и страха, отъ времени до времени онъ то громкимъ голосомъ кричалъ — Альбертъ! Альбертъ! то прислушивался къ самомалѣйшему шороху, то снова повторялъ призывъ сына, то стрѣляя изъ ружья. Отвѣта не было, — поиски были тщетны, Эрихъ шелъ ни на что не обращая вниманія, ни даже на змѣй, иногда шипѣвшихъ подъ его поспѣшными шагами. Онъ думалъ только о сынѣ. А! Эрихъ! раздался вдругъ обрадованный голосъ, пожалуй ты и самъ заблудишься! Хехтъ, вооруженный ружьемъ и факеломъ, весело пробирался сквозь тернистый кустарникъ.

— Ты одинъ? спросилъ печально Эрихъ.

— Одинъ, отвѣчалъ Хехтъ, чуть не попалъ въ самое пріятное общество, изъ котораго не удалось бы мнѣ вырваться. Иду я и вижу, лежитъ черный клубокъ, ну, думаю, должно быть нашъ бѣглець, прилегъ да и уснулъ, обрадовался, смѣло подхожу къ нему—бррр—зарычалъ кто-то на меня страшнымъ басомъ; черный клубокъ зашевелился, и показалась огромная голова съ разинутою пастью, полною бѣлыхъ зубовъ, затѣмъ пара сильныхъ лапъ и, наконецъ, очутился передо мной настоящій медвѣдь воркунъ. Ужъ какъ проворно наострилъ я лыжи!

— Быть можетъ этотъ медвѣдь разорвалъ моего Альберта, сказалъ содрагаясь Эрихъ.

— Помилуй Богъ! утѣшалъ его Хехтъ — остался бы хотя какой нибудь слѣдъ мальчика — панталоны, рубашка, курточка, не проглотилъ же онъ ихъ—всего этого и слѣда

я не видѣлъ. Наконецъ, если бы онъ сѣлъ такого здороваго мальчика, какъ нашъ Альбертъ, то не изъявилъ бы желаніе поужинать мною.

— Мальчикъ-то вѣдь былъ босикомъ, пожалуй наступилъ на змѣю — и лежитъ гдѣ-нибудь вблизи насъ уже умершій.

— Конечно, нелѣпо было бѣгать босикомъ по американскому лѣсу. На это не рискнетъ и индѣецъ. Но вѣдь и гремучія змѣи не на каждомъ же шагу встрѣчаются — и убѣжать отъ нея не диво.

Пока Хехтъ успокоивалъ Эриха, Шварцъ и слуга его пробирались сквозь кустарники.

— Ничего не нашли? крикнулъ имъ Эрихъ.

— Ничего, отвѣтилъ Шварцъ, всѣ углы...

— Гамъ! гамъ! залаяла вблизи собака Шварца.

Всѣ живо бросились на ея лай — и увидали высокаго, статнаго молодаго индѣйца. Онъ стоялъ, прислонясь спиною къ дереву, поднявши въ правой рукѣ бердышъ, какъ бы въ защиту отъ собаки. На немъ была надѣта короткая охотничья куртка, за поясомъ заткнутъ ножъ, а черезъ плечо перекинута ружье. Онъ смѣло смотрѣлъ на собаку и на приближавшихся къ нему людей, не измѣняя своего положенія. Съ выбритой головы его спускался оставленный локонъ волосъ, въ который воткнуто было орлиное перо. Темные большіе, блестящіе глаза его были выразительны, а голыя руки и ноги, вымазанныя жиромъ, блестѣли какъ атласъ, къ подошвамъ ногъ прикрѣплены были сандалии изъ оленьихъ шкуръ, а съ лѣвой стороны висѣлъ мѣшокъ съ порохомъ и пулями.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ по нѣмецки Шварцъ индѣйца, которому повидимому было не болѣе 18 лѣтъ, и когда индѣецъ промолчалъ на его вопросъ, то спросилъ его по англійски.

Дикарь отвѣчалъ кроткимъ, пріятнымъ голосомъ:

— Лѣсъ великъ, а мои бѣлые братья не любятъ охотиться за ягуарами и медвѣдями.

— Стало быть ты здѣсь охотишься? продолжалъ Шварцъ, знавшій немного нарѣчіе индѣйцевъ.

— Отецъ Инки слѣдитъ за медвѣдемъ, сыну довольно и не такъ почетной добычи. Сказавши это, онъ слегка указалъ на убитую лань, прикрытую вѣтвями.

— Вѣроятно темнокожій товарищъ, замѣтилъ Хехтъ, говорить о черномъ пріятелѣ, который только что расположился было познакомиться со мной. Предоставляю вамъ честь танцовать съ этимъ воркуномъ.

— Медвѣдь-то этотъ вѣдь недалеко, сказалъ Шварцъ.

— Инка это знаетъ, отвѣчалъ дикарь. Я его караулю до прихода отца.

— Пожалуй мой Альбертъ попадется этому медвѣдю въ лапы, вскричалъ Эрихъ.

— Твой отецъ одинъ на охотѣ, или при немъ есть негры?

— Мой отецъ не охотится чужими руками. Онъ одинъ.

— Сегодня, у этого бѣднаго человѣка сынъ заблудился въ лѣсу, сказалъ Шварцъ, указывая на Эриха. Если онъ встрѣтится твоему отцу, отецъ твой не сдеретъ съ его головы кожу?

На лицѣ Инки выразилось презрѣніе.

— Ни одинъ могиканъ не дотронется ни до головы ребенка, ни до головы женщины, отвѣчалъ Инка. Сверхъ того, мы съ бѣлыми курили трубку мира.

— Затѣмъ твой отецъ не съ тобой? продолжалъ Шварцъ.

— Дѣло Инки повиноваться, а не разсуждать, отвѣчалъ индѣецъ.

— Стало быть, ты и ночь проведешь на вольномъ воздухѣ, продолжалъ Шварцъ, пожалуй звѣрь растерзаетъ тебя.

Инка презрительно улыбнулся и сказалъ:— глаза и уши Инки всегда на сторожѣ, а руки его сильны. И въ доказательство съ необыкновенною легкостью приподнял тяжелый бердышъ.

— Молодец! вскричалъ Хехтъ, не напрасно ѣсть хлѣбъ; онъ мнѣ нравится, даромъ что краснокожій.

— Ахъ! сказалъ Эрихъ, если этотъ дикарь такъ легко отыскиваетъ слѣды звѣрей, то быть можетъ онъ отыщетъ и слѣдъ моего сына. Поговори съ нимъ Шварцъ. Я его вознагражу за труды.

Шварцъ передалъ индѣйцу просьбу Эриха самымъ трогательнымъ образомъ.

Дикарь съ участіемъ смотрѣлъ на огорченнаго отца и отвѣтилъ:

— Инка отыщетъ слѣдъ маленькаго бѣлаго.

— Не будетъ ли поздно? воскликнулъ Эрихъ.

— Господь хранить ребенка, кротко отвѣтилъ Инка.

У язычника оказалось вѣры болѣе, нежели у христіанина. Эриху стало совѣстно.

— Пусть Инка идетъ съ нами и ночуетъ у насъ. Я боюсь, что онъ уйдетъ, и мой несчастный мальчикъ не отыщется.

Инка согласился и сказалъ:—отецъ велѣлъ мнѣ жить дружно съ бѣлыми, медвѣдя отецъ найдетъ и безъ меня.

Сказавши это, онъ съ необычайной силой приподнялъ убитую лань, понесъ ее съ помощію Хехта и слуги, и всѣ вмѣстѣ направились къ жилищу Шварца.

Жена Эриха, измученная страхомъ и ожиданіемъ, тревожно ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, не внимая утѣшеніямъ г-жи Шварцъ.

— Не умѣли мы, говорила она, довольствоваться своимъ счастіемъ на родинѣ; погнались за чѣмъ-то воображаемымъ лучшимъ. Матильда моя было бы жива, не заблудился бы Альбертъ въ лѣсу, а если бы и заблудился въ лѣсахъ Германіи, то тамъ вездѣ проложены тропинки къ какому-нибудь селенію. Въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ ни ядовитыхъ змѣй, ни волковъ, ни ягуаровъ, ни медвѣдей. О! милая родина, не позабыть мнѣ тебя... И внѣ себя отъ безпокойства, она то выбѣгала изъ хижины, то опять въ нее возвращалась.

Вдругъ дѣти закричали: идутъ! идутъ! Все выбѣжали во дворъ. Шествіе приближалось. Два человѣка шли впереди, освѣщая дорогу факелами, трое остальныхъ несли за ними какой-то предметъ.

— Это несутъ моего Альберта—раздирающимъ голосомъ закричала жена Эриха, звѣри растерзали его! и лишилась чувствъ. Когда привели ее въ себя, первымъ словомъ ея было—долго ли страдалъ мой бѣдный ребенокъ?

— Да всмотрись, ради Бога, вскричалъ Эрихъ, вѣдь это лань. Мы встрѣтили человѣка, который отыщетъ намъ нашего Альберта.

Увидавши дикаря съ окровавленными руками и оружіемъ, она вздрогнула воображая, что это кровь ея сына.

— Что ты говоришь, сказалъ Эрихъ, образумься. Этотъ молодой индѣецъ немного старше Альберта, мы насилу уговорили его переночевать у насъ, а не въ лѣсу.

Вскорѣ все объяснили госпожѣ Эрихъ, она немного успокоилась и стала смотрѣть на Инка какъ на ангела, котораго Господь Богъ ниспослалъ, отыскать Альберта.

Когда все пришло въ порядокъ, жена Шварца принесла ужинъ. Инку упростили сѣсть за столъ и усердно угощали разными блюдами. Но онъ отъ всего отказался.

— Отчего не ѣсть мой краснокожій братъ, спросилъ его Шварцъ. Ему нездоровится, или пренебрегаетъ бѣлыми?

Инка покачалъ головой говоря:

— Инка человѣкъ; вѣроятно, бѣлый сломалъ трубку мира, что не предлагаетъ ее Инкѣ?

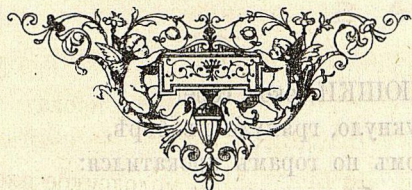
Тутъ Шварцъ вспомнилъ обычай индѣйцевъ, чтобы при дружескихъ союзахъ, прежде всего, обойдти всѣхъ съ трубкою.

Онъ извинился и какъ только принесли пеньковую трубку, набилъ ее табакомъ, нѣсколько разъ затянулся ею, потомъ передалъ Инкѣ; покуривши, Инка передалъ ее дальше; и когда всѣ перекурили, тогда принялся за ужинъ,

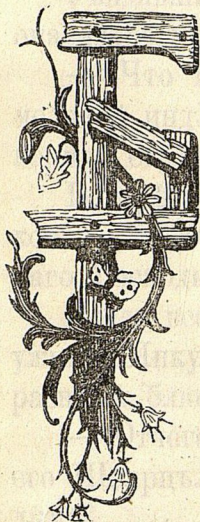
но ѣлъ и пилъ очень умѣренно, затѣмъ отправился на приготовленную ему постель, но, прежде нежели легъ на нее, долго молился на языкѣ своемъ и потомъ заснулъ крѣпкимъ сномъ юности.

Не спала одна мать Альберта.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).



КАКЪ КОМАРЪ УБИЛСЯ.



АТЮШКИ, экое горе!
Стукнуло, грянуло въ борѣ,
Громъ по горамъ прокатился:
Съ дуба комарикъ свалился,
Брякнулся о коренище,
Сбилъ молодецкое плечище.
Какъ тутъ слетались мухи,
Тѣ грохотухи, горюхи,
Стали про бѣднаго братца
Слезно жужжать, убиваться:

„Ахъ ты, нашъ свѣтикъ, комарикъ,
Какъ тебя жалъ намъ, сударикъ!
Если почнешь помирати,
Гдѣ намъ тебя погребати?“

Охнулъ комаръ черезъ силу:

„Ройте мнѣ въ полѣ могилу,
Ройте въ зеленой дубравкѣ,
Скройте въ шелковой во травкѣ.
Тамъ, отъ работы устали,
Будутъ и стары и малы
Мимо могилы гуляти,
Про комара вспоминати:
— Тутъ онъ лежитъ, комарище;
То-то былъ лихъ, ребятище!“

Мухи разохались тяжело:
„Какъ онъ храбрится, бѣдняжка!“

Къ счастью, исполнилъ муравейчикъ,

Славный знахарь-чародѣйчикъ:

„Полно вамъ, мухи, вопити!

Гдѣ вашъ больной, покажите“?

Взялъ муравьиного салца,

Смазалъ плечо у страдальца—

И, слава Богу, подъ утро

Зажила рана до нѣтра.

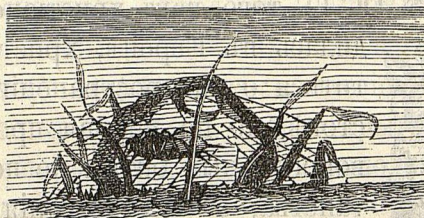
Мухи опять прилетали,

Наперерывъ поздравляли:

„Многія мѡлодцу лѣта!

Жить тебѣ цѣлое лѣто“!

В. Авенариусъ.



БЛАГОДѢТЕЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Ласъ-Казасъ.

Защитникъ индѣйцевъ.



ОСЛѢ того, какъ христіанская вѣра утвердилась въ Европѣ, христіане стали заботиться о распространеніи ея и на Востокъ, но ни мирная проповѣдь, ни кровопролитныя битвы не побѣдили магометанства; а съ завоеванія турками Константинополя, оно окончательно окрѣпло. Тогда отважные проповѣдники, пользуясь открытіями Колумба и Васко-де-Гама, открывшихъ пути въ Америку и Остѣ-Индію, обратились въ эти далекія страны. Въ средней полосѣ Америки находились цвѣтущія государства и племена, богато одаренныя способностями; но подѣ жестокимъ управленіемъ испанцевъ-завоевателей, несчастные туземцы быстро утратили свою силу и возможность развитія народности, несмотря на то, что были люди, которые порицали такой порядокъ вещей и заступались за несчастное племя. Среди благородныхъ личностей, посвятившихъ жизнь свою на защиту американскихъ туземцевъ, является истинный христіанинъ, испанскій монахъ Бартоломео Ласъ-Казасъ.

Бартоломео де-Ласъ-Казасъ родился въ Севильи въ 1474 году. Его отецъ, Франциско, принадлежалъ къ числу смѣлыхъ моряковъ, которые сопутствовали Колумбу въ открытіи Новаго Свѣта. Бартоломео воспитывался въ высшемъ училищѣ въ Саламанкѣ; при немъ находился въ услуженіи молодой невольникъ индѣецъ, вывезенный старымъ Ласъ-Казасомъ изъ Эспаньолы. Когда Бартоломео кончилъ курсъ, то слуга этотъ получилъ свободу по указу королевы Изабеллы, уничтожившей невольничество.

Въ царствованіе этой замѣчательной государыни, Испанія стояла въ ряду первоклассныхъ европейскихъ державъ. Страна эта, только что избавленная отъ владычества мавровъ, соединила короны Аррагоніи и Кастиліи и разумными законами способствовала развитію искусствъ, промышленности и торговли, а цѣнные пріобрѣтенія въ Новомъ Свѣтѣ возбуждали въ испанцахъ гордость, стремленія къ новымъ открытіямъ и къ смѣлымъ подвигамъ. Вмѣстѣ съ этими рѣшительными людьми отправлялись и миссіонеры, чтобы проповѣдать свѣтомъ христіанства новооткрытые народы. Въ числѣ такихъ проповѣдниковъ былъ и молодой Ласъ-Казасъ. Онъ отправился въ свитѣ дона-де-Овандо, губернатора Сень-Доминго. Въ Сень-Доминго онъ познакомился съ дономъ-Діего Веласкецомъ и по его приглашенію отправился съ нимъ на завоеваніе Кубы. Куба—этотъ перлъ Антильскаго моря—былъ присоединенъ къ Испаніи почти безъ кровопролитія; на это присоединеніе имѣли вліяніе миролюбивыя мѣры Ласъ-Казаса, несмотря на то, что Веласкецъ приговорилъ одного изъ туземныхъ вождей къ сожженію на кострѣ. Когда несчастнаго вели на казнь, одинъ изъ монаховъ убѣждалъ его креститься. Индѣецъ остановился и спросилъ, не встрѣтится ли онъ на томъ свѣтѣ съ бѣлыми людьми.

— Конечно встрѣтишься, отвѣчалъ монахъ.

— Если такъ, отвѣтилъ несчастный, не хочу въ томѣсто, гдѣ опять увижу этотъ жестокій народъ.

Подобныя сцены вызывали тяжелое чувство въ душѣ

Ласъ-Казаса, и онъ сталъ горячимъ защитникомъ туземцевъ. Вскорѣ имя его прославилось не только что въ этомъ околodкѣ, гдѣ онъ занималъ мѣсто духовнаго пастыря, но и на всемъ островѣ. Туземцы вѣрили ему какъ отцу и искали у него защиты. Къ сожалѣнію, онъ не всегда могъ оказать желаемую помощь. Испанцы, пріѣхавшіе съ Веласкецомъ, потребовали въ награду за свои заслуги земли на островѣ и туземцевъ для обработки этой земли. Дѣлежъ земли и людей сопровождался страшными насиліями и поголовнымъ раззореніемъ туземнаго населенія. Не имѣя возможности остановить эти ужасы, Ласъ-Казасъ поѣхалъ въ Испанію просить правительство о прекращеніи жестокостей на островѣ Кубѣ.

По несчастію, Изабелла, подписавшая актъ объ отмѣнѣ рабства, уже не существовала. Фердинандъ умеръ вскорѣ по прибытіи Ласъ-Казаса въ Испанію. Преемникъ его, Карль V, находился въ отсутствіи. Страной управлялъ Кардиналъ Химинеса. Онъ выслушалъ Ласъ-Казаса, отправилъ на Антильскія острова уполномоченныхъ для изслѣдованія того, что тамъ дѣлается. Къ нимъ присоединился и Ласъ-Казасъ съ почетнымъ званіемъ верховнаго попечителя индѣйскаго племени. Прибывши въ Сень-Доминго, посланные услыхали отъ мѣстныхъ властей, что туземцы не хотятъ вступать ни въ какія мирныя соглашенія и противятся введенію христіанства. Посланные ни на что не соглашались. Между тѣмъ какъ Ласъ-Казасъ требовалъ, чтобы закабаленные въ рабство туземцы были немедленно освобождены; но всѣ усилія его остались безъ успѣха.

Тогда онъ снова отправился въ Испанію, чтобы ходатайствовать о несчастныхъ. Въ Испаніи онъ предложилъ правительству проектъ поселить на островахъ Кастильскихъ крестьянъ, а для тяжелыхъ работъ въ рудникахъ и на сахарныхъ плантаціяхъ покупать негровъ-невольниковъ. Это была великая ошибка Ласъ-Казаса, и впоследствии онъ сожалѣлъ о ней. Чтобы облегчить участь краснокожихъ, онъ

жертвовалъ свободою другой расы, но считать Ласъ-Казаса виновникомъ торговли неграми въ Новомъ Свѣтѣ—несправедливо. Она существовала и до него,—Ласъ-Казасъ только указалъ на это средство, какъ на замѣну труда индѣйцевъ. И когда понялъ свою ошибку, то сталъ просить объ отмѣнѣ новаго закона, но было уже поздно. Планъ плантаціи его не удался, а покупка черныхъ невольниковъ почти не облегчала положенія туземныхъ племенъ. Тогда онъ сталъ просить, чтобы ему отдѣлили полосу земли, на которой онъ хотѣлъ основать колонію на мѣрахъ кротости и посвятить себя просвѣщенію индѣйцевъ. Проектъ Ласъ-Казаса казался многимъ неисполнимымъ. Ласъ-Казасъ съ сердечнымъ увлеченіемъ защищалъ свою идею, рисовалъ яркими красками несчастныхъ, осужденныхъ блуждать во мракѣ и грозно осуждалъ всѣ принудительныя мѣры, за которыми слѣдовали насилія, чтобы заставить туземцевъ оставить вѣру отцовъ своихъ. Рѣчь свою онъ окончилъ обращеніемъ къ королю въ слѣдующихъ словахъ:

„Христіанская религія останется всегда вѣрна себѣ и пригодна для всѣхъ земныхъ народовъ. Она никого не лишаетъ свободы и не нарушаетъ ничьихъ естественныхъ правъ. Никто не рождается на то, чтобы быть рабомъ и вашему величеству слѣдуетъ при началѣ вашего царствованія, которое да продлитъ Всемогущій на многіе годы, искоренить столь нечеловѣколюбивыя учрежденія въ вашихъ владѣніяхъ“.

Молодой король и его совѣтники рѣшили позволить Ласъ-Казасу сдѣлать опытъ, отъ котораго онъ ждалъ такихъ блестящихъ успѣховъ. Ему дали денегъ для первоначальнаго обзаведенія, и онъ въ сопровожденіи избранныхъ имъ сотоварищей весною 1520 года снова отплылъ въ Америку.

Добрыя намѣренія Ласъ-Казаса не удались. Ему отвели на Кубѣ желаемый участокъ земли, но онъ граничилъ съ землями испанскихъ владѣльцевъ, которые до того успѣли ожесточить противъ себя туземное населеніе, что на островѣ

вспыхнуло возстаніе. Чтобы усмирить возмутившихся, съ Эспаньолы было прислано войско, и тѣ мѣста, которыя Ласъ-Казасъ хотѣлъ огласить проповѣдью, облились кровью. Никто не хотѣлъ ничего слушать. Спутники друга индѣйцевъ поспѣшили удалиться. Свои покинули Ласъ-Казаса. Испанцы угрожали за покровительство туземцамъ. Совѣсть терзала его при видѣ негровъ, измученныхъ на плантаціяхъ Кубы и Эспаньолы. Силы и надежды оставляли. Одна молитва не измѣнила ему. Однажды, когда онъ, одряхлѣвшій преждевременно, стоялъ на колѣняхъ передъ хижиной, къ нему вбѣжалъ негръ и сказалъ, что испанцы готовятся отомстить ему за его покровительство угнетеннымъ. Появленіе негра, одного изъ тѣхъ бѣдныхъ дѣтей Африки, которыя были оторваны отъ своей родины и привезены въ Вестъ-Индію, быть можетъ именно вслѣдствіе несчастнаго, хотя и благонамѣреннаго совѣта Ласъ-Казаса, глубоко потрясло его. Онъ говорилъ, что въ этомъ событіи видѣлъ перстъ Божій и съ той минуты рѣшилъ заботиться обо всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, безъ различія цвѣта и племени...

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ устроить свою колонію при содѣйствіи избранныхъ монаховъ Доминиканскаго ордена, Ласъ-Казасъ убѣдился, что ничего изъ этого не выйдетъ; тогда онъ удалился на островъ Эспаньолу, помѣстился тамъ въ Доминиканскомъ монастырѣ и желалъ только тихаго убѣжища и утѣшенія.

Такимъ образомъ закончился первый періодъ дѣятельности этого друга челоѣчества.

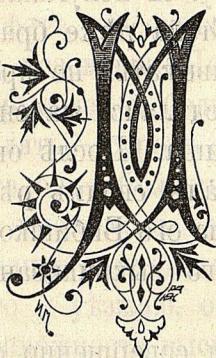
С. Воскресенская.

(Продолженіе слѣдуетъ).



МОЙ СУРОКЪ.

(Памяти моего учителя П. В. Сухачева).



Мнѣ было 12 лѣтъ. Воспитывалась я дома. Разъ за урокомъ русскаго языка, я чѣмъ-то особенно отличилась, и учитель обѣщалъ мнѣ въ награду маленькаго сурка, котораго наканунѣ ему удалось поймать на охотѣ. Съ вечера я приготовила мѣсто для моего новаго жильца, отдѣлила ему уголь въ передней ящичкомъ, поставила питье, переставляла глиняный поддонникъ съ водою то туда, то сюда. Долго не могла заснуть, придумывая какое бы дать ему имя и порѣшила назвать Биби, въ память моей недавно погибнувшей болонки.

И такъ моего маленькаго звѣрька будутъ звать Биби. Учитель приходилъ ко мнѣ на урокъ въ 5 часовъ. День этотъ мнѣ казался нескончаемымъ. Я то и дѣло бѣгала отъ окна къ окну, слясь разсмотрѣть между пѣшеходами высокую фигуру Петра Васильевича. Наконецъ, онъ показался изъ-за угла. Я стремглавъ выскакиваю на крыльцо—одна минута и суринашка у меня въ рукахъ. Никогда урокъ не казался мнѣ такъ продолжительнымъ, какъ въ тотъ вечеръ. Я безпрестанно поглядывала въ сторону прихожей и прислушивалась, тамъ ли сурокъ, не выскочилъ ли. Въ 7 часовъ позвали пить чай. У меня на умѣ только сурокъ и чаю не хочу. Я принялась его кормить, натащила хлѣба, молока,

зелени,—ничего не ѣсть. Я чуть не въ слезы. Взяла его на руки и держала пока не приказали идти спать. Всю ночь онъ мнѣ снился. На завтра встала рано,—тотчасъ къ сурку. Пища не тронута. Я принялась насильно втискивать ему въ ротъ траву и крошки, рыльце уткнула въ поддонъ съ молокомъ и не выпускала до тѣхъ поръ, пока онъ не чмокнулъ раза три. Потомъ взяла его на руки и до самого вечера спускала лишь за тѣмъ чтобы покормить. На другой день я было принялась за то же, но отецъ сказалъ (матери у меня не было), если я буду такъ мучить бѣдное животное, то онъ отправить его Петру Васильевичу. Я испугалась, зная что отецъ сдержитъ свое слово. Стала рѣже брать сурка на руки, онъ началъ понемногу привыкать, не пряталъ голову въ уголъ, сталъ ѣсть и даже сдѣлался жаденъ. Морковь и картофель была его любимая пища. Послѣ онъ пристрастился къ сахару и сильно надоѣдалъ своимъ рѣзкимъ крикомъ, выпрашивая кусочекъ. Я звала его Бибишкой, а домашніе Кафиткой, такъ какъ звукъ его выкрикиванія было „кафить“.

Не прошло и мѣсяца какъ онъ освоился совершенно съ расположеніемъ комнатъ, носился кругомъ, вытянувъ шею и прижавъ уши, игралъ съ щенятами и котятами. Послѣдніе нерѣдко за его острые зубы награждали царапинами. Освободясь отъ котятъ, онъ вскакивалъ на заднія лапки и какъ будто жалуясь начиналъ кричать свое „кафить“ до тѣхъ поръ, пока въ утѣшеніе я давала ему что-нибудь съѣсть; уморительно было смотрѣть какъ онъ справлялся съ огромными картофелинами, перебрасывая ихъ съ лапки на лапку. Ълъ онъ всегда стоя на заднихъ лапкахъ. Спать онъ любилъ у меня на рукахъ, и когда его спускала, то онъ еще долго гонялся за мною и хваталъ за ноги. Вскорѣ онъ сталъ грызть и рвать что ни попадало, сколько калошъ перепортилъ, у мебели всѣ ножки обточилъ.

Однажды отецъ, поздно возвратившись съ охоты, поставилъ въ уголъ свое ружье. На утро смотреть: у любив-

маго ружья его отгрызенъ уголь ложа. Это его такъ взбѣсило, что моего суринаuku онъ чуть не выпхвѣнулъ на улицу. Потомъ самъ привязался къ моему звѣрьку, часто ласкалъ, кормилъ его, да и вообще онъ сталъ любимцемъ всего дома, всѣ его провинности ему прощали. Какъ только у него выросли зубы, онъ пересталъ портить вещи. Можетъ быть тутъ отчасти помогла и плетка, которой его иногда училъ отецъ. Какъ только мы за столъ, онъ ужъ тутъ какъ тутъ, ходитъ на заднихъ лапкахъ вокругъ стола и кафитькаетъ. Но только стоило топнуть ногой, прикрикнуть или погрозить плеткой, сейчасъ же убирался подъ буфетъ, высовывалъ оттуда мордочку и не выходилъ пока не позовутъ. Постороннимъ не позволялъ ласкать себя—огрызался и больно кусалъ. Ёхала ли я кататься, шла ли гулять,—сурокъ былъ у меня подъ шубой. Я уже не боялась что онъ убѣжитъ. За зиму онъ до того привыкъ, что бѣгалъ за мною какъ собаченка, куда я, туда и онъ. Иногда приходилось уходить отъ него крадучись. Если онъ замѣчалъ что я уѣзжаю, онъ вцѣплялся зубами въ платье, и не было возможности высвободиться, онъ висѣлъ и болтался на платьѣ, приходилось горничной прибѣгать къ плеткѣ.

Наступила весна, выбѣгая на крыльцо, я брала съ собою и суринаuku и садилась на выступъ; суринаuka противъ меня, на другомъ, стоя на заднихъ лапкахъ, кафитькалъ, озираясь кругомъ, наостривъ ушки, жадно вдыхая воздухъ, поводя усиками и какъ бы собираясь удирать. Я со страхомъ ожидала, что онъ и убѣжитъ въ поле, но этого не случилось, онъ каждый день по нѣскольку разъ выскакивалъ то на крыльцо, то въ палисадникъ, часто и безъ меня.

Въ сосѣдяхъ жилъ одинъ полковникъ съ большой семьей, дѣти его и ихъ знакомые рѣдкій день не приходили полюбоваться на моего звѣрька. У насъ былъ громадный дворъ съ зеленой бархатистой лужайкой по срединѣ, гдѣ мы часто играли въ серсо. Мы играемъ, а сурокъ носится кругомъ лужайки до того, что потомъ растянется и лежитъ не шевелясь какъ

убитый. Разъ брошенное мнѣ кольцо я не успѣла подхватить, оно упало возлѣ сурка, онъ схватилъ его и не выпускалъ изъ зубовъ. Я стала раскачивать кольцомъ, чтобы высвободить—не тутъ-то было, сурокъ повисъ на кольцѣ и не выпускалъ его. Я стала дѣлать розмахи сильнѣе, такъ что сурокъ нѣсколько разъ перевернулся въ кольцѣ, но все таки не выпускалъ его. Пришлось оставить игру. Съ тѣхъ поръ онъ часто мѣшалъ намъ играть. Завели небольшой обручъ и стали учить сурка различнымъ фокусамъ. Онъ удивительно былъ понятливъ и скоро выучился такимъ штукамъ, что удивлялъ нашихъ знакомыхъ. Изъ звѣрей онъ больше всѣхъ любилъ мою собачку найденыша. Часто онъ засыпалъ на одной подушкѣ съ Кудлаемъ, только ѣсть съ собою никого не допускалъ. Просыпался онъ очень рано и своимъ кафитьканьемъ у дверей будилъ прислугу—его выпускали. Вставши, я тотчасъ выбѣгала взглянуть, гдѣ мой сурокъ и почти всегда заставала на сваленныхъ во дворѣ бревнахъ грѣющимся въ растяжку на солнцѣ. Бывало только завидитъ меня, бросается кубаремъ внизъ и летитъ стремглавъ ко мнѣ на встрѣчу, кафитькая, прискакивая, цѣпляясь за платье. Рано по утрамъ, пока еще всѣ спали, онъ занимался рытьемъ ямъ около крыльца. Прислуга сердилась на его работы,—только что сравниваютъ и подметутъ, на завтра яма вырыта снова и крыльцо въ землѣ. Это всѣмъ такъ надоѣло, что они стали его подкарауливать, схватятъ бывало и втолкнутъ подъ крыльцо, задвинувъ отверстіе доской и чурбаномъ. Подъ крыльцомъ сурокъ принялся за ту же работу, но такъ какъ онъ тамъ никому не мѣшалъ, то отецъ приказалъ оставить его въ покоѣ, сказавъ мнѣ, что вѣроятно сурокъ приготовляетъ себѣ нору на зиму. Это предположеніе меня встревожило. Вѣрно сурокъ собирается меня покинуть, думала я съ огорченіемъ, когда отецъ растолковалъ мнѣ, что хотя сурокъ и зароется на зиму въ нору, но за то у насъ на дворѣ, а весной опять я его увижу, а если помѣшать теперь рыть нору, то онъ убѣжитъ въ поле и тогда прощай навсегда.

Раза два я велѣла разбудить себя въ 5 часовъ, чтобы посмотреть какъ работаетъ мой суринька. Чтобы удобнѣе было слѣдить за его работой, вынули и съ другой стороны крыльца доску. Чистота около его норки была замѣчательная, кругомъ все подметено, лишняя земля отброшена далеко въ сторону. Отъ норы къ выходу прочищена дорожка съ земляными валиками по краямъ и такимъ же вокругъ норки. Не вѣрилось, чтобы онъ самъ все это дѣлалъ. Поздно вечеромъ я разняла старый вѣникъ и забросала имъ нору. Утромъ тихо подкралась къ крыльцу, легла на землю и подпершись локтями принялась наблюдать. Сурокъ усердно и бойко работалъ лапками и хвостомъ. Лапками разрывалъ, а хвостомъ подметалъ. Прутья отъ вѣника всѣ до одного перетаскалъ къ кухонному крыльцу, можетъ быть потому онъ выбралъ это мѣсто, что видѣлъ тамъ брошенные вѣники. Къ концу лѣта нора его была готова, гдѣ бы ни попалась ему тряпка, обрывокъ кожи, пакля, онъ все тащилъ въ нору. Осенью замѣтили, что онъ ободралъ всю обивку съ нашего дорожнаго возка, который, за недостаткомъ помѣщенія въ каретникѣ, стоялъ на заднемъ дворѣ подъ навѣсомъ. Не рѣдко онъ стаскивалъ у кухарки сушившіяся на дворѣ полотенцы и тряпки, за что не мало получалъ пинковъ и побоевъ. Прислуга его иначе не звала какъ воришка и попрошайка за то, что онъ постоянно просилъ чего-нибудь у кухонныхъ оконъ. Кухня была въ подвальномъ этажѣ, окна совсемъ на землѣ, просить ему было удобно, встанетъ бывало на заднія лапки у подоконника и затащитъ свое кафитъ до тѣхъ поръ, пока ему дадутъ что-нибудь. Узналъ дорогу и въ огородъ, онъ перепортилъ всѣ гряды, таская корни въ нору. Въ началѣ октября сурокъ зарылся. Я безпрестанно подходила къ его убѣжищу и звала его, но мой суринька не выходилъ и не откликался.

Зима безъ него мнѣ показалась безконечной и скучной. Подругъ у меня не было и я все свободное отъ уроковъ время проводила одна, занимаясь склеиваніемъ домиковъ,

рисованіемъ и мозаикой изъ маленькихъ шолковыхъ лоскуточковъ, вязала кружева и читала. Снѣгъ стоялъ, показалась зелень, а сурокъ мой все не выходилъ. Я отчаялась его увидѣть, думала что онъ убѣжалъ въ поле.

Какъ теперь помню, 11 апрѣля на Пасхѣ день былъ теплый, даже жаркій, я вышла на крыльцо. Весело звонили колокола, народъ изъ церкви шелъ нарядный. Идутъ двѣ женщины, слышу какъ одна другой говорить:—посмотри-ка, посмотри, что это за звѣрокъ? Я мгновенно осматриваюсь кругомъ и вижу мой сурокъ на половину въ норѣ, на половину въ крапивѣ съ закрытыми глазами лежитъ и грѣтся на солнышкѣ. Я къ нему, онъ испугался и шмыгнулъ въ нору. Сію жъ минуту кинулась я въ домъ объявить о случившемся и съ радости чуть не передушила всѣхъ кто попадался мнѣ на встрѣчу. Цѣлый день продежурила я на крыльцѣ, выжидая сурка и не дождалась. На другое утро онъ опять выползъ, я приготовила ему картофель и морковь около норы, но какъ только онъ меня замѣтилъ, мигомъ провалился. Я спряталась за дверь и выжидала. Немного погодя, онъ показался и щурясь торопливо стаскивалъ къ себѣ коренья. Я рассмотрѣла, что онъ сильно исхудалъ, кожа обвисла и его пошатывало. Сколько стоило ему труда прорыть нору отъ двора и на улицу, подрывшись подъ весь домъ. За зиму онъ сильно одичалъ, меня не узнавалъ, боялся. Однако черезъ нѣсколько дней сталъ брать пищу изъ рукъ, вбѣгалъ на крыльцо, потомъ и въ комнаты, и снова принялся за всѣ свои штучки, къ норѣ не подходилъ. Мы зарыли то отверстіе, гдѣ онъ вышелъ.

Иногда въ сильные жары я отыскивала въ саду или на терасѣ тѣнистый уголокъ, слала пледъ, подушку и ложилась поваляться, сурокъ подкрадывался и начиналъ со мной заигрывать, хватить то за ногу, то за руку, примется бѣгать кругомъ меня до того скоро, что шлепнется, поднимется и опять за то же, пока утомившись ложился ко мнѣ на руку или на плечо, подвернувши мордочку подъ мою шею и засыпалъ. Съ іюня онъ опять принялся рыть другую нору, почему-то онъ за-

бросилъ первую. Почти передъ тѣмъ какъ ему уйдти на спячку, Петръ Васильевичъ принесъ мнѣ другаго сурка, сказавъ: „вотъ вашему сурку подруга, ему будетъ веселѣе“. Сурокъ этотъ былъ меньше и нѣжнѣе моего. Мы спустили въ нору этого дикаго звѣрька и до весны не видали. На слѣдующій годъ сурки отрылись по прежнему на югъ, только во дворъ и ранѣе, сурокъ мой былъ дикъ, не узнавалъ меня, но скоро привыкъ, но другаго сурка не выпускалъ изъ норы, и при малѣйшей попыткѣ вылѣзти билъ лапами по мордочкѣ, кричалъ и всѣмъ корпусомъ толкалъ обратно въ нору. Ёсть положительно не давалъ, все отберетъ, хотя бы былъ сытъ по горло. Если бросишь ей въ нору, и оттуда вытащить и обгложетъ и только объѣдки столкнетъ въ нору; чтобы покормить несчастнаго звѣрька приходилось Биби запираить въ комнатѣ. Тогда дикій сурокъ мило и граціозно принимался ѣсть, выбирая изъ поднесеннаго, что болѣе нравилось, а не такъ какъ мой толстый Биби, что ни дадутъ лишь бы по больше. Изрѣдка, когда не было близко Биби, отходила аршина на три отъ норы, пугливо озираясь кругомъ и даже пробѣгала по двору. Все что Биби позволялъ въ своемъ присутствіи—это, до половины высунувшись изъ норы, погрѣться на солнышкѣ. Мнѣ было жаль кроткаго, граціознаго звѣрька до того, что я не на шутку сердилась на моего объѣдалу. Жадность довела его до гибели.

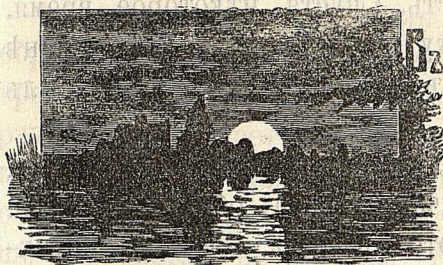
Къ третьей осени Биби такъ разжирѣлъ, что не только не могъ бѣгать, но съ трудомъ ходилъ волоча животъ. На бѣду возлѣ насъ поселился какой-то помѣщикъ, любитель псовой охоты, у него была свора гончихъ. Мой сурокъ въ послѣднее время повадился ходить чрезъ улицу къ противоположному забору и щипать тамъ траву. Какъ только увидѣли его на улицѣ собаки, то накинудись и принялись терзать. Я услышала отчаянный крикъ моего любимца,—не помня себя съ палкой въ рукахъ кинулась отбивать собакъ. Не знаю какъ онѣ не изгрызли меня и бросили сурка. Онъ былъ чуть живъ. Рыдая, я поднесла его къ бочкѣ, обмыла, забинтовала раны

своимъ платкомъ, но не прошло и получасу какъ онъ издохъ на моихъ рукахъ. Стоналъ и такъ жалобно глядѣлъ на меня, что мнѣ даже показалось, будто слезы были на его глазахъ. Вечеромъ же его зарыли рядомъ съ моей болонкой, нѣкоторые изъ домашнихъ даже прослезились, глядя на меня. Подруга его три дня непрерывавая кричала, какъ бы звала его, оглядываясь по сторонамъ и высовывая только голову изъ норы. Пища, которую ей подносили, оставалась не тронутой. Черезъ три дня ее нашла издохшей съ голода. Я была въ отчаяніи, чтобы меня утѣшить Петръ Васильевичъ откуда-то досталъ новаго сурка. Но онъ былъ дикъ и должно быть старъ. Я его продержала три дня, потомъ выпустила, мнѣ не хотѣлось съ нимъ заниматься, я была увѣрена, что такого сурка какъ былъ мой Биби другаго не будетъ.

Т. Щербакова.



НА СВЕКЛО-САХАРНОМЪ ЗАВОДѢ.



очистительное отдѣленіе мы взопли. Тамъ было жарко и душно, какъ въ натопленной банѣ. Мы молча, вынувъ платки, начали ими обмахиваться.

Директоръ, замѣтивъ это, улыбаясь сказалъ, — да господа, попарьтесь, попарьтесь, теперь до конца производства нигдѣ не будетъ прохладнѣе, а въ иныхъ мѣстахъ и жарче.

— Ничего, ничего, потерпимъ, отвѣтили мы хоромъ; хотя отъ непривычки едва дышали.

Въ этомъ отдѣленіи стояли котлы, въ которыхъ очищался сокъ; къ одному изъ нихъ мы подошли.

— Очистка сока дѣлается такъ, началъ директоръ: темный сокъ вливаютъ въ котлы и прибавивъ известковаго молока, т. е. гашеной извести, разболтанной въ водѣ, начинаютъ его кипятить паромъ, впускаемымъ въ двойное дно котла. При кипяченіи бѣлковыя вещества свертываются и поднимаются на верхъ. Известь же разлагаетъ минеральныя вещества, частью соединяется съ ними и образуетъ грязный осадокъ; отстоявшійся сокъ дѣлается прозрачный и состоитъ изъ воды, въ которой растворенъ известковый сахаратъ,

т. е. соединеніе извести съ сахаромъ. Эта очистка называется дефекаціею.

Чтобы отдѣлить известъ отъ сахара, сокъ переливаютъ въ новые котлы, называемые сатураціонными. Въ эти котлы въ сокъ впускаютъ углекислый газъ (угольную кислоту), известъ соединяется съ углекислотою и осаждается въ видѣ мѣла, и въ растворѣ остается чистый сахаръ.

— Посмотрите, какъ будутъ очищать сокъ углекислотою. Котелъ наполнили чистымъ желтоватымъ сокомъ и пустили въ него по трубѣ, входящую въ дно котла, углекислоту. Въ котлѣ послышался тотъ шумъ, какой обыкновенно слышится, когда газъ входитъ въ жидкость. Спустя нѣкоторое время, мы зачерпнули въ стаканъ соку и увидѣли, что въ стаканѣ осѣдалъ темный осадокъ, а сокъ становился свѣтлѣе, но былъ окрашенъ въ желтый цвѣтъ.

Послѣ этого сокъ переходитъ на послѣднюю очистку, чрезъ костяной уголь, гдѣ окончательно онъ обезцвѣчивается. Пойдемте посмотримъ, какъ это дѣлается, сказалъ директоръ, приглашая насъ идти за нимъ.

Пройдя какой-то темненькій корридоръ, мы поднялись по небольшой лѣстницѣ и очутились около большихъ, высокихъ желѣзныхъ цилиндровъ, стоящихъ вертикально одинъ около другаго.

Эти цилиндры были соединены между собой множествомъ трубъ, чрезъ краны которыхъ шло горячій сокъ въ особенные жолобы.

— Эти фильтры, началъ директоръ, указывая на цилиндры, наполнены костянымъ углемъ, они служатъ для окончательной очистки сока.

— Прежде всего я долженъ вамъ сказать, продолжалъ онъ, о самомъ костяномъ углѣ; это незамѣнимый матеріалъ для сахароваровъ. Возьмите въ руки по кусочку угля и посмотрите на его поверхность.

Мы взяли по небольшому кусочку угля и стали его разсматривать.

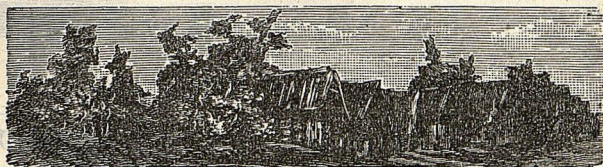
Каждый кусочекъ, величиною съ грецкій орѣхъ, сѣро-темнаго цвѣта, былъ весь изнизанъ маленькими тоненькими отверстіями или трубочками, на подобіе губки.

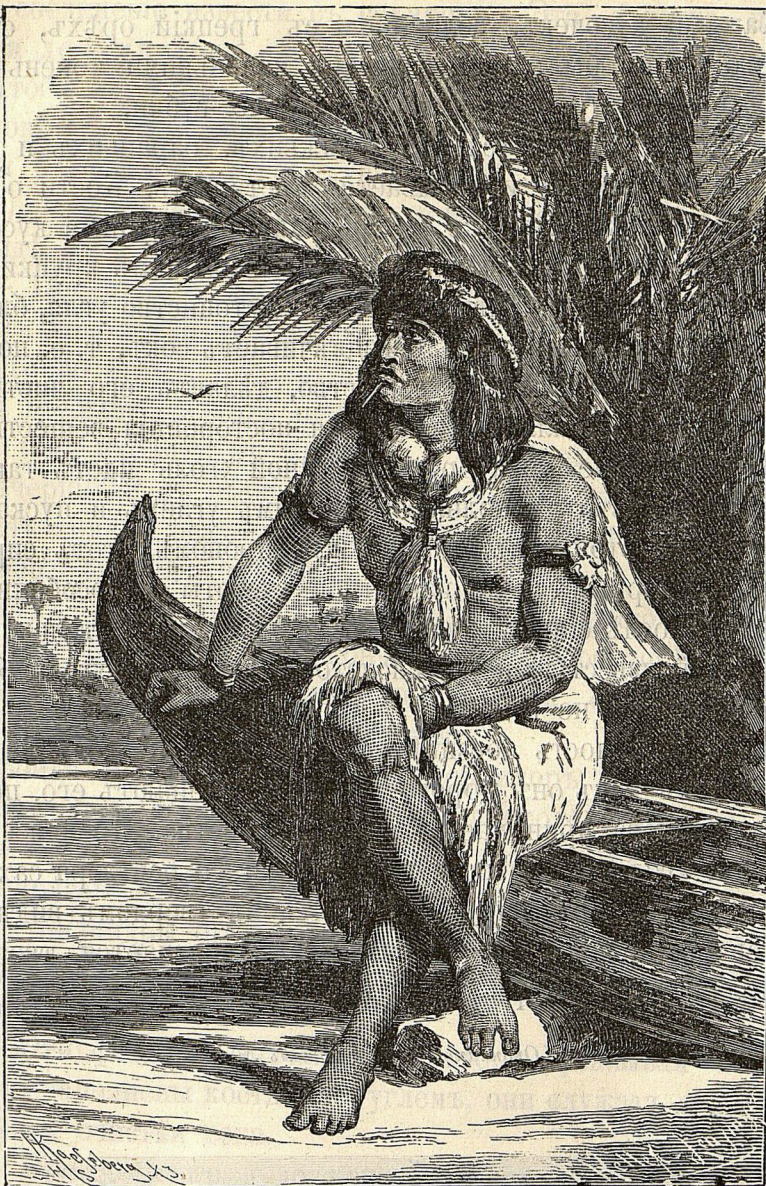
— Уголь получается изъ говяжьихъ, бараньихъ и другихъ костей, почему и называется костянымъ. Кости обжигаютъ и обожженные уже мелко толкутся; крупные кусочки продаются на сахарные заводы, подъ названіемъ крупки или костянаго угля. Въ скважности все достоинство угля, благодаря такому строенію уголь обезцвѣчиваетъ сокъ, т. е. поглощаетъ изъ него красящее вещество, дѣлаетъ его чистымъ, прозрачнымъ и удаляетъ остальные постороннія вещества.

Процѣживание сока чрезъ костяной уголь идетъ такимъ образомъ: фильтръ наполняютъ чистымъ углемъ и пускаютъ чрезъ него густой сокъ, называемый сиропомъ. Этотъ сиропъ раньше выпаривается до извѣстной густоты въ особенныхъ котлахъ. Послѣ сиропа пускаютъ на уголь сокъ, только что очищенный известью и углекислотой, такъ какъ уголь больше на очистку не годится; трубочки его забились и онъ утерялъ способность обезцвѣчиванія. Грязный уголь не бросаютъ, такъ какъ онъ дорого стоитъ, а очищаютъ его, послѣ чего онъ снова принимаетъ прежнія свойства. Пройдя чрезъ костяной уголь, сокъ состоитъ изъ чистаго раствора сахара, откуда уже сахаръ легко выдѣляется въ твердомъ видѣ.

Теперь, пойдѣте посмотримъ, какъ получается твердый кристаллическій сахаръ изъ очищеннаго сока.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).





ДИКАРЬ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 мая 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.